

Семантическая деривация как способ образования юридических понятий (на материале российских законов)

Марина В. Батюшкина^{a, @, ID}

^a Законодательное Собрание Омской области, Россия, г. Омск

@ soulangeana@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Поступила в редакцию 14.02.2020. Принята к печати 27.03.2020.

Аннотация: Представлены общие результаты исследования юридических понятий, образованных семантическим способом (с помощью семантической генерализации, расширения значения, институциональной спецификации, сужения значения, метонимического переноса, метафорического переноса или их корреляции). Отмечается взаимосвязь семантического терминообразования и полисемии. Называются причины неизбежности неоднозначности юридических понятий: (а) фактор создателя законодательного текста и адресата-реципиента; (б) открытость правовой терминотерминологической системы, воспроизводство в текстах законов многозначных лексем, их переосмысление; (в) создание вариантов законодательных дефиниций и др. Особое внимание уделяется семантической генерализации и институциональной спецификации юридических понятий. Показывается взаимосвязь денотативно-предикативного и логико-понятийного подходов, механизм обобщения и абстрагирования лексического значения. В аспекте противопоставления функций, моделей образования и коннотационного потенциала рассматриваются различия метонимического и метафорического переносов. Отмечается высокая продуктивность метонимического переноса, а также юридических понятий, которые возникли на основе комбинации разных видов семантического терминообразования. Исследование проведено на базе текстов российских федеральных и региональных законов, с учетом применения различных подходов: дискурсивного, контекстуального, интертекстуального, компонентного, денотативно-предикативного, логико-понятийного, интерпретационного, сравнительного. Представленные в работе результаты, выводы и иллюстративный материал могут быть полезны ученым и практикам, которые исследуют юридическую терминологию, правовые тексты, вопросы русского языка как государственного.

Ключевые слова: юридический термин, полисемия, денотат, предикат, семантическая генерализация, сужение значения, метонимия, метафора, текст закона, юридический дискурс

Для цитирования: Батюшкина М. В. Семантическая деривация как способ образования юридических понятий (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 489–498. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-489-498>

Введение

Среди способов образования терминов «наименее изученным и в то же время наиболее своеобразным» [1, с. 8] является семантический, хотя семантическая производность для профессионального терминообразования не менее естественна, системна и продуктивна, чем словообразовательная или синтаксическая. Об этом, в частности, свидетельствует множество юридических терминов, употребляемых в законах: *мягкое наказание, старение материнства, разжигание ненависти, запутанный характер сделки, погасить избирательный бюллетень, замораживание безналичных денежных средств, капитан бассейна внутренних водных путей* и т. д.

Развивая положения отечественных и зарубежных ученых (Ю. Д. Апресян [2], Н. Д. Арутюнова [3; 4], Л. В. Балашова [5], В. М. Баранов и Н. А. Власенко [6], Г. И. Кустова [7], Дж. Лакофф [8; 9], В. П. Москвин [10], В. Н. Прохорова [1], Г. Н. Склярская [11], В. Н. Телия [12], Д. Н. Шмелев [13] и др.) применительно к исследованию

понятий, используемых при создании законов, отметим, что термины, образованные семантическим способом, обладают как положительными, так и отрицательными качествами:

- кратко, но содержательно, метко и доходчиво выражают отношения между понятиями; легко запоминаются; быстро включаются в терминотерминологическую систему права; обладают свойствами постоянства (устойчивы), повторяемости (воспроизводимы), контекстуальной предсказуемости (типичны);
- не всегда точно отражают либо не отражают вовсе классификационные, иерархические связи юридических понятий; дублируя общеупотребительные слова, порождают оппозицию общеупотребительного и узкоинституционального значений, могут привести в законодательный контекст нежелательные или неуместные значения, ассоциации, создать интерпретационные барьеры при переводе (например, если закон создается на двух и более государственных языках).

Кроме того, семантическая производность взаимосвязана с полисемией. А в юридическом дискурсе требование к однозначности понятия (термина) является одним из первостепенных¹. Не случайно многие не только юридические, но и общеупотребительные понятия имеют дефиницию, закрепленную в законе².

Возникают и другие вопросы, например, является ли семантическое терминообразование вынужденным либо преднамеренным и можно ли было сказать по-другому; какие из семантических способов являются наиболее продуктивными при образовании юридических понятий; можно ли говорить о семантически образованных составных терминах как о фразеологических сращениях; каковы особенности переводческой трансформации / калькирования семантически образованного термина при рецепции права.

Естественность и продуктивность семантического способа терминообразования, взаимосвязь с полисемией, актуальность вопроса о неоднозначности юридических понятий и их образном компоненте для научного, законотворческого и судебного дискурсов, а также другие вопросы семантического образования юридических понятий обусловили интерес к данной проблематике.

Основа работы – изучение текстов российских федеральных и региональных законов на базе корреляции различных подходов: дискурсивного, контекстуального, интертекстуального, компонентного, денотативно-предикативного, логико-понятийного, интерпретационного, сравнительного.

Взаимосвязь семантического терминообразования и полисемии

Общеизвестно, что слова в языке обладают реальной или потенциальной многозначностью, т. е. каждое слово может иметь несколько значений: одно является прямым (исходным, основным, главным), остальные – переносными (дополнительными, вторичными).

С точки зрения Ю. М. Лотмана, между прямым и переносными значениями «не существует отношений взаимодозначного соответствия, а устанавливается лишь приблизительная эквивалентность» [14, с. 66]. Д. Н. Шмелев отмечает, что семантическая структура слова, имеющего прямое и переносные значения, может рассматриваться как отражение эпидигматических отношений [13].

По мнению В. М. Бельдяна, переносные значения могут быть истолкованы с помощью прямого значения, но прямое значение с помощью переносных объяснено быть

не может, для толкования прямого значения необходимы прямые значения других слов, установление отношений *род : вид или целое : часть целого* [15, с. 207–209].

Многозначность (полисемия) юридических понятий является особым предметом рассмотрения как для лингвистов, так и для правоведов (Н. Д. Голев и М. Е. Воробьева [16], Э. И. Лескина [17], А. С. Пиголкин [18], Е. В. Соколова [19] и др.). Несмотря на обоснованность положений о том, что формулирование законодательных норм должно происходить с учетом требования к единообразию употребления юридических понятий, однозначности их понимания и отсутствию терминов-вариантов, проявление феномена полисемии в юридической терминологии и шире – в законодательном контексте – неизбежно.

Во-первых, как совершенно верно заметил Г. Я. Солганик, «в языке все выразительно. И если встречаются нередко бледные, сухие, худосочные тексты с тусклыми словами, то виноват в этом не язык, а пишущие, говорящие на нем» [20, с. 30]. Есть выражение «Не боги горшки обжигают», и тексты законов создаются обычными людьми, а значит, то, каким будет этот текст, какие средства будут привлечены для его создания, во многом обусловлено знаниями, мировосприятием и речемыслительным опытом конкретного человека. Иными словами, в семантически образованном термине мы видим предмет речи таким, каким его воспринял, ассоциировал и транслировал автор номинации (ср. *развертывание военных сил – развернуть ковер; плод человека – плод дерева* и т. д.).

Другой вопрос: в связи с постоянным употреблением семантически образованных понятий осознают ли специалисты, создающие текст закона (а это всегда представители определенной профессиональной группы), наличие дополнительных значений и коннотаций либо воспринимают данные понятия в качестве обыденных, ничем не отличающихся от других юридических понятий?

Во-вторых, терминосистема права не является изолированной. В законодательных, как и иных юридических, текстах воспроизводятся многозначные лексемы, употребляемые в разных сферах деятельности. Проявление того либо иного значения может быть мотивировано контекстом, разными предметами и аспектами правового регулирования. Ср.: *младший начальствующий состав*³ (различие по подчиненности – воен., полиц.) – *младшие и старшие школьные возрастные группы*⁴ (различие по возрасту – образов.); *иммунитет человека* (система, защищающая организм от заболеваний – мед.) – *иммунитет государства* (независимость, суверенность государства – юрид.); *керамические изделия*,

¹ См., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.12.2017 № 310-КГ17-12130 по делу № А64-2941/2016 (о толковании понятия *неопределенный круг потребителей*); Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23.06.2008 по делу № А29-2092/2007 (о толковании понятия *розничная торговля*).

² Например, в ст. 5 УПК РФ ночное время определяется как «промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени» (УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 22.12.2001. № 249).

³ О службе в органах принудительного исполнения РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 01.10.2019 № 328-ФЗ // Российская газета. 04.10.2019. № 223. Ст. 8.

⁴ НК РФ (ч. II) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Парламентская газета. 10.08.2000. № 151–152. Ст. 164.

изготовленные посредством литья без последующей **росписи**, **лепки**⁵ (способ ручного декорирования изделия – искусств.) – вручение документа под **роспись** (удостоверение, подтверждение – админ.) – бюджетная **роспись** (вид документа – финанс.).

Хотя все употребляемые в законах термины транслируются в качестве юридических, в случае, если понятия отражают различные терминосистемы, возникает вопрос об омонимии. Однако полагаем, что говорить об омонимии понятий, употребляемых при создании законов, допустимо в случаях семантических оснований существенного различия значений понятий, являющихся частью разных терминосистем и используемых для регулирования разных сфер общественных отношений. Омонимы должны различаться морфемной членимостью, словообразовательными дериватами, лексической и синтаксической сочетаемостью, употреблением в составе разных синонимических и антонимических рядов.

В-третьих, при контекстуальном употреблении неоднозначность понятия, как правило, устраняется, поскольку преобладает тот или иной оттенок значения. Однако в некоторых случаях контекстуальное употребление не вносит достаточной ясности в интерпретацию понятия, образованного семантическим способом.

Например, в законодательных текстах понятие *человеческий капитал* употребляется для обозначения некой институциональной абстракции, вызывающей ассоциацию с чем-то нематериальным, имеющим косвенное отношение к экономике и финансам. Но что все-таки такое *человеческий капитал* – исходя из контекста представить довольно сложно. Приведем примеры: *достижение высоких показателей качественного человеческого капитала*⁶; *Совокупность индивидуальных человеческих капиталов людей, проживающих в Санкт-Петербурге, образует суммарный человеческий капитал Санкт-Петербурга*⁷; *развитие человеческого капитала и содействие обеспечению трудовыми ресурсами резидентов территории опережающего социально-экономического развития*⁸.

В-четвертых, в российских законах развиваются традиции употребления понятий, используемых в правовых текстах досоветского и советского периодов. Однако в силу трансформации социально-исторического контекста, государственно-правовой системы нередко понятие, первоначально

употребляемое в прямом или переносном значении, приобретает дополнительный переносный смысл, переосмысливается.

Например, в Лесном кодексе 1923 г. по отношению к крестьянам в качестве единицы счета применялось понятие *душа*: *В лесах севера, в местностях с лесистостью более пятидесяти процентов, где не было лесов крестьянских владений, из лесов государственного значения могут быть выделяемы лесные дачи, предназначенные исключительно для удовлетворения в древесине трудовых объединений с расчетом не более двух десятин на душу*⁹ (т. е. на одного крестьянина). В российских законах данное понятие также употребляется, но в составе сочетания *на душу населения*, применяемого по отношению к одному человеку как представителю совокупности граждан региона или страны в целом, например: *величина прожиточного минимума на душу населения*¹⁰.

В-пятых, в силу высокой степени обобщенности и абстрактности большинство юридических понятий можно отнести к широкозначным, имеющим высокий потенциал полисемии. Как отмечает Е. Г. Беляевская, «все значения широкозначного слова трудно зафиксировать и "пересчитать" <...> у широкозначных слов постоянно возникают новые контекстуальные употребления» [21, с. 6].

С другой стороны, в законодательном тексте понятие употребляется в специализированном, «суженном» значении, релевантном для юридического дискурса и моделируемой ситуации. С опорой на исследование Г. И. Кустовой отметим, что значение обобщенных и абстрактных слов неопределенно и в силу этого подвижно, может подстраиваться под семантику принимающего контекста [7, с. 74].

В качестве примера приведем отглагольное существительное *утрата* (имеющее в общелитературном языке книжную, устаревшую окраску), а также соотносимые с ним (образованные от одной основы) формы глагола и причастия, которые используются в различных законодательных текстах в следующих значениях:

- утрата (потеря) каких-либо документов, имущества: *ответственность за утрату исполнительного документа*¹¹; *страховое возмещение за утрату заложенного имущества*¹²; *товар утрачен или поврежден*¹³; *утраченный заработок*¹⁴;

⁵ О народных художественных промыслах. ФЗ от 06.01.1999 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 15.01.1999. № 7. Ст. 7.

⁶ О стратегии социального и экономического развития Магаданской области на период до 2025 года. Закон Магаданской области от 11.03.2010 № 1241-ОЗ (ред. от 18.03.2019) // Магаданская правда. 23.03.2010. № 29. Табл. 15.

⁷ О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. Приложение к Закону Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800201812250015> (дата обращения: 25.12.2018).

⁸ О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ. ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 31.12.2014. № 299. Ст. 32.

⁹ О введении в действие Лесного Кодекса. Постановление ВЦИК от 25.07.1923, принятое II сессией X созыва 07.07.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 58. Ст. 564. ¹⁰ Ст. 1091 ГК РФ (ч. II) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

¹¹ КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Парламентская газета. 05.01.2002. № 2-5. Ст. 364.

¹² ГК РФ (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239. Ст. 334.

¹³ Ст. 459 ГК РФ (ч. II).

¹⁴ ТК РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. 31.12.2001. № 256. Ст. 184.

- утрата (потеря) каких-либо качеств, признаков, свойств: покупатель **утрачивает** интерес к договору¹⁵; **утрачивает** ценность для ссудополучателя¹⁶; стойкая **утрата** профессиональной трудоспособности¹⁷; закон **утратил** силу, статья **утратила** силу, **утратившие** силу положения (юридические клише);
- утрата (лишение) институционального статуса, прав, обязанностей, «правового режима»: **утрата** прав законного владельца на ценную бумагу¹⁸; организация **утрачивает** статус оператора¹⁹; **утрачивает** право выдавать доверенности²⁰; **утрата** силы государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя²¹.

Сужение значения регулярно осуществляется с помощью законодательной дефиниции. При этом в разных законах встречаются примеры различного определения и, соответственно, различного «сужения» значения одного, по сути, понятия, семантически адаптированного к разным контекстам. Ср.:

- в УК: под **близкими лицами** в настоящей статье понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство²²;
- в УПК: **близкие лица** – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений²³.

К сказанному добавим, что существует своего рода «пассивный» запас значений, которые имеет или может иметь слово в зависимости от сочетания с другими словами и от отношения к неюридическому дискурсу. При построении текста закона данные значения / смыслы не учитываются или не могут быть учтены (в связи с незнанием данных значений / смыслов адресантами-авторами текста закона). Однако при восприятии текста закона они могут стать «активными». Это обусловлено знаниями, речемыслительной деятельностью адресата-реципиента. Интерпретация текста закона не может быть «конечной», однозначной, поскольку зависит от деятельности интерпретатора.

Семантическая генерализация и институциональная спецификация юридических понятий

С опорой на теорию Н. И. Жинкина [22], А. И. Новикова [23], В. М. Бельдяна [15] мы полагаем, что в зависимости от разделения значений предметов и свойств (действий, признаков, качеств) лексические единицы могут быть условно отнесены к одной из следующих групп:

- денотативная лексика: конкретные, вещественные и собирательные существительные со значениями конкретных предметов, объектов, веществ и совокупностей: дом, мужчина, нефть, транспорт, листва;
- предикативная лексика: глаголы (*двигаться, говорить*), прилагательные (*яркий, государственный*), наречия (*безвестно, незамедлительно*), причастия (*избранный, избран*), отглагольные, абстрактные или отвлеченные существительные (*воля, справедливость, долг, совесть, бег, обеспечение*), а также части речи, эквивалентные предикатам, которые обозначают сопутствующие предмету (явлению) свойства, действия, признаки, качества, отношения (*каждый, другой, все*);
- денотативно-предикативная лексика, совмещающая указания на предмет (субъект) и свойства этого предмета (субъекта): *работодатель* – тот, кто предоставляет кому-либо работу; *налогоплательщик* – тот, кто платит налог; *квартиросъемщик* – тот, кто снимает квартиру; *металлический* – сделанный из металла или содержащий металл.

Поскольку свойство, действие, признак, качество – это всегда какая-то характеристика предмета (субъекта, явления, вещи), которая не может существовать сама по себе, в отрыве от ее носителя, представления о свойстве, действии, признаке и качестве, они формируются в сознании человека как представления о знаковом обозначении, ассоциации представлений знаков, слов, обозначающих эти свойства, действия, признаки, качества. В тексте предикаты используются в связи с теми или иными денотатами, выраженными либо подразумеваемыми. Например, нельзя представить *аморальность* вообще, но можно представить *аморальное поведение* человека.

Если при производстве неинституциональных текстов адресант отражает действительность через призму личностно значимых представлений о ней, то производство законодательных (как и иных выполняющих институциональную функцию) текстов предполагает выражение не личных, а институционально значимых представлений

¹⁵ Ст. 457 ГК РФ (ч. II).

¹⁶ Ст. 691 ГК РФ (ч. II).

¹⁷ Ст. 182 ТК РФ.

¹⁸ Ст. 147.1 ГК РФ (ч. I).

¹⁹ НК РФ (ч. I) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 06.08.1998. № 148–149. Ст. 25.7.

²⁰ Ст. 188 ГК РФ (ч. I).

²¹ Ст. 55 НК РФ (ч. I).

²² Ст. 116 УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

²³ Ст. 5 УПК РФ.

о действительности. Автор законодательного текста выражает правовой смысл, формируемый на базе правовых категорий в результате речевой деятельности унифицированного типа. При этом денотативно-предикативный смысл преобразуется в логико-понятийный, обеспечивающий последовательное изложение правовой мысли.

Для того чтобы распространить определенное правовое правило на неопределенное (неограниченное) множество вероятных субъектов, фактов, условий, событий, необходимо нивелировать различия между этими субъектами, фактами, условиями, событиями, сделав приоритетной какую-либо функцию или характеристику, выделив общее, одинаковое, типичное, повторяющееся. Это достигается за счет семантической генерализации и институциональной спецификации юридического понятия: слова в законодательном тексте (за редкими исключениями²⁴) имеют обобщенный, универсальный смысл, нередко аморфную, расплывчатую семантику (широкозначны), а грамматические формы и конструкции выражают безличность, неназванность или неопределенность конкретного субъекта, безотносительность события к конкретному времени.

Любая лексика, какую бы основу она не имела (денотативную, предикативную, денотативно-предикативную), при включении в законодательный текст, детерминирована его общим смыслом, приобретает предикативные характеристики обобщенности и абстрактности, семантически генерализуется. Нередко такая генерализация сопровождается трансформацией грамматических показателей.

Например, с денотативно-предикативной точки зрения, сочетание *права и свободы человека и гражданина* образовано на основе предикатов (*право, свобода*) и денотатов (*человек, гражданин*). С логико-понятийной точки зрения, каждое из указанных слов употребляется в обобщенно-типизированном, собирательном смысле. Признаком семантической генерализации и институциональной спецификации является трансформация формы числа. Вместо общеупотребительных понятий *право* и *свобода* (единственное число) используются понятия *права* и *свободы* (во множественном числе), а согласуемые с ними номинации субъектов – носителей прав и свобод – употреблены в форме единственного числа (человека и гражданина) вместо необходимых с грамматической точки зрения форм множественного числа (ср.: *право и свобода человека и гражданина* – *права и свободы людей и граждан*).

Абстрактные правоположения, образованные на основе семантически генерализованных денотатов и предикатов, по сравнению с конкретными высказываниями, более универсальны, обладают большей применимостью, поскольку могут наполняться другими предметами и признаками (в силу общности и сходства). Лексика законодательных текстов, отражая не индивидуальный, а социальный, государственно-правовой опыт, отличается множеством

потенциальных связей с предметной действительностью. Конкретизация значения осуществляется через транслируемую институциональную функцию, обозначающую ситуацию и ее программируемое осмысление.

При создании законов семантически генерализованные денотативные и предикативные лексемы могут менять свои внутренние значения в зависимости от сочетания с другими лексемами, смены синтаксических позиций. Значение одной лексемы начинает употребляться в роли контекстуального заместителя другой лексемы при метонимическом либо метафорическом переносе, которые различаются, по мнению В. Н. Прохоровой, и моделями образования, и коннотативным потенциалом [1, с. 64].

Метонимический перенос как способ образования юридических понятий

Развивая сложившийся традиционный взгляд на понимание метонимии, синекдохи как разновидности метонимии (Е. А. Гинзбург [24], В. П. Москвин [10], В. Н. Прохорова [1, с. 67–68], Р. Е. Шкилев [25, с. 7–8] и др.), полагаем, что при метонимическом переносе один предмет определяется через другой, находящийся с ним рядом, в общих ситуационно-обстоятельственных и пространственно-временных границах, на основе синтаксического преобразования (сокращения, экономии средств) и смысловой трансформации (замены субъекта действия, переименования, перемещения внимания с одного предмета или аспекта ситуации на другой).

Идея, мотивы метонимического переноса позволяют рассматривать соотносимые понятия не просто в качестве смежных, сопредельных, отражающих одну ситуацию или наиболее существенный признак этой ситуации, но в качестве эквивалентных: *водитель повернул руль вправо* → *руль повернулся вправо* / *руль вправо*; *судья вынес приговор в суде* → *суд вынес приговор* / *суд приговорил*. В результате формируемой эквивалентности уточняющее понятие (*руль, суд*) приобретает значение, которое изначально принадлежало исходному (*водитель, судья*), в свою очередь, исходное становится семантически излишним.

В ракурсе синтаксического восстановления исходного содержания метонимический перенос можно интерпретировать следующим образом: из предложения (контекста) исключается денотативное слово, употребляемое в именительном падеже в функции подлежащего, вместо него используется денотативное или предикативное слово, которое до этого употреблялось в косвенном падеже в функции объекта или обстоятельства действия (соответственно, дополнения или обстоятельства).

При создании законодательных текстов метонимичный перенос сопровождается не только сменой синтаксических позиций субъекта и объекта действия, но и целенаправленным обезличиванием деятельности, фокусированием

²⁴ Исключение составляют имена собственные, используемые в прямом конкретном значении (например, в реквизитах принятия и подписания закона: Государственная Дума, Президент Российской Федерации; Москва, Кремль).

внимания на выражении объектно-процессуальной семантики, планируемом результате действия, трансформацией прямого волеизъявления в косвенное. Ср.: **парламент принимает закон** → **закон принимается парламентом** → **закон принимается; руководитель объявляет выговор** → **выговор объявляется руководителем** → **выговор объявляется**.

Смена позиций «активный субъект» → «объект действия = персонифицированный субъект» может усиливаться идентифицирующей номинацией, при которой имя нарицательное наделяется характеристиками имени собственного, маркируется прописной буквой и определением *Настоящий*. Метонимический перенос осложняется метафорическим, заменой одних слов другими (эвфемизмом). Ср.: *депутаты принимают закон об основаниях и порядке назначения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка – Настоящий [вместо этот, данный] Федеральный закон устанавливает основания и порядок назначения и осуществления ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка*²⁵.

В случае, когда опредмечивается функция либо институциональный признак субъекта действия, выраженные предикативной лексикой и являющиеся его неотъемлемой частью, данная функция и данный признак приобретают значение целого, т. е. субъекта действия. При этом метонимический перенос сопровождается переосмыслением грамматических категорий и употреблением одной части речи в значении другой (конверсией). Наиболее продуктивен переход в разряд существительных причастий: *преступник, осужденный по статье* → *осужденный; дети, обучающиеся по программе* → *обучающиеся* и т. д. С помощью конверсии не только субстантивируются функциональная и определительная характеристики субъекта действия, но и устраняется речевая избыточность: *председатель, председательствующий на заседании* → *председательствующий*.

В качестве продукта метонимического переноса могут быть рассмотрены отглагольные существительные, одновременно передающие значения действия и результата действия (*взятка, подкуп, подделка, запрет*), волеизъявления и документа (*поправка, приказ, распоряжение, решение*). Для выражения указанных значений используется одно и то же название-понятие.

Когда синтаксическое преобразование сопровождается сужением или расширением денотативного значения, а часть целого (единица множества) приобретает значение, которое принадлежало целому (множеству), и наоборот, целое (множество) приобретает значение части (единицы множества), можно говорить об использовании приема

синекдохи: *Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации (вместо детей); мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации*²⁶ (вместо мужчины и женщины).

Приведенные модели метонимического переноса с одной единицы номинации на другую являются общими шаблонами, многократно воспроизводимыми в текстах законов.

Метафорический перенос как способ образования юридических понятий

Если метонимический перенос направлен на перемещение внимания с одного предмета на другой, объективно взаимосвязанных при описании какой-либо ситуации («часть¹ целого^А → часть^п целого^А»; «целое^А ↔ часть целого^А»), то метафорический перенос используется для объяснения неизвестного (но познаваемого) известным на основе сопоставления и сравнения их сходных характеристик. Такое сопоставление и сравнение осуществляются с помощью логических, интуитивных, чувственных или сенсорных ассоциаций и отражают возможные варианты воображаемой взаимосвязи.

С опорой на точку зрения Н. Д. Арутюновой [4, с. 367] и Л. В. Балашовой [5, с. 171–172] отметим, что метафорический перенос связывает категориально различные вещи, предметы и ситуации, формируется на базе «субъективного допущения подобия» между, на первый взгляд, несопоставимыми сущностями. В основе метафорического переноса – принцип аналогии, сходство признаков и функций, а саму метафору называют «свернутым», завуалированным сравнением (Е. Л. Гинзбург [24], Дж. Лакофф и М. Джонсон [9], Г. Н. Складаревская [11], В. Н. Телия [12]).

Действительно, нередко юридические понятия, образованные в результате метафорических переносов, можно сопоставить с конструкциями, содержащими сравнительные союзы *как, как бы, будто, точно, словно*: *погасить избирательный бюллетень* (словно погасить свечу, факел), *разжигание ненависти* (как разжечь костер). В некоторых случаях сравнение выражено формой творительного падежа: *поворачивает петлей на север* (о границе поселения)²⁷.

Согласимся с Л. В. Балашовой в том, что «понятие метафоры достаточно регулярно расширяется, и ее начинают трактовать как любой вид тропов, как любой вид экспрессивных и / или индивидуально-авторских средств выразительности», как «любые типы ассоциативных реакций носителей языка» [5, с. 170–171].

Юридическое понятие – результат метафорического переноса транслирует корреляцию: исходного и нового контекстуальных полей; исходного и нового обозначений; параметры сходства – обстоятельно-определятельные

²⁵ О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей. ФЗ от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Российская газета. 31.12.2017. № 297с. Ст. 1.

²⁶ Ст. 19 Конституции РФ // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 25.12.2018).

²⁷ О преобразовании сельских поселений Ханкайского муниципального района Приморского края и о внесении изменений в Закон Приморского края «О Ханкайском муниципальном районе». Закон Приморского края от 27.04.2015 № 595-КЗ // Приморская газета. 28.04.2015. № 44. Ст. 7.

основания ассоциирования (способ, признак, свойство, действие и др.); источник сходства – когнитивные, речемыслительные особенности автора-адресанта.

С учетом денотативно-предикативного подхода в настоящей работе под метафорическим переносом понимается семантическая смена сочетаемости:

- денотата с определенной денотативной группой на сочетаемость этого денотата с другой денотативной или предикативной группой: *плод дерева* → *плод человека*²⁸ (*плод*^{денотат} – *дерево*^{денотат} → *плод*^{денотат} – *человек*^{денотат}); *стена дома* → *стена скорби*²⁹ (*стена*^{денотат} – *дом*^{денотат} → *стена*^{денотат} – *скорбь*^{предикат});
- предиката с определенной денотативной группой на сочетаемость данного предиката с другой предикативной группой: *высокий дом* → *высокие требования* (*высокий*^{предикат} – *дом*^{денотат} → *высокий*^{предикат} – *требования*^{предикат}); *характер человека* → *характер сделки* (*характер*^{предикат} – *человек*^{денотат} → *характер*^{предикат} – *сделка*^{предикат}).

В зависимости от вида лексемы, получающей метафорическое значение, могут быть выделены различные семантические типы метафорических переносов, в частности:

- субстантивные со значением «сходство предметов» в широком понимании (*караван судов*³⁰, *источник конфликта интересов*³¹, *порог стоимости имущества*³²);
- адъективные, выражающие общее значение «сходство качеств, признаков или свойств» (*легкое метро*³³, *мягкое наказание*³⁴, *живая цель*³⁵);
- глагольные, выражающие значение «сходство процессов» (*погасить избирательный бюллетень*³⁶, *внести предложение, поправку*);

- глагольно-субстантивные со значением «сходство опредмечиваемых процессов» (*отмывание доходов*³⁷, *разжигание ненависти*³⁸, *отдание воинских почестей*³⁹).

Наибольшую продуктивность при создании текстов законов имеют глагольно-субстантивные и адъективные метафорические переносы. Это объясняется высокой частотностью отглагольных существительных и двухкомпонентных понятий, образованных на основе согласования существительного и прилагательного.

В отличие от метонимического, метафорический перенос при создании юридических понятий в большей степени коннотативен, но менее продуктивен. Однако в законодательных текстах употребляется большое количество составных юридических понятий, представляющих собой переплетение метафорического и метонимического переносов, построение метафор на основе уподобления и замещения, удвоения и символизации значения: *дерево проблем*⁴⁰, *запутанный характер сделки*⁴¹, *увековечить память погибших*⁴², *порог активного долголетия у людей «серебряного возраста»*⁴³, *представление произведения в живом исполнении*⁴⁴, *капитан бассейна внутренних водных путей*⁴⁵ и др.

Заключение

Юридические понятия, образованные семантическим способом, являются частотными и равноправными элементами терминосистемы права, проецируют его абстрактную структуру, отражают особенности лингвокогнитивной деятельности и социально-культурных процессов. Как и иные юридические терминообразования, они используются в составе воспроизводимых устойчивых речевых формул при моделировании повторяющихся ситуаций, маркируют

²⁸ О биомедицинских клеточных продуктах. ФЗ от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 28.06.2016. № 139. Ст. 3.

²⁹ О погребении и похоронном деле. ФЗ от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // Российская газета. 20.01.1996. № 12. Ст. 23.

³⁰ Кодекс внутреннего водного транспорта РФ (КВВТ РФ) от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета. 13.03.2001. № 50–51. Ст. 148.

³¹ О рынке ценных бумаг. ФЗ от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 25.04.1996. № 79. Ст. 10.1-1.

³² О порядке признания граждан Брянской области малоимущими с учетом размера доходов и стоимости их имущества в целях постановки на учет и предоставления им по договорам социального найма жилых помещений муниципального жилищного фонда. Закон Брянской области от 24.07.2006 № 66-З (ред. от 03.04.2017) // Брянский рабочий. 11.08.2006. № 118–120. Ст. 5.

³³ О создании судебных участков и должностей мировых судей города Москвы. Закон г. Москвы от 15.10.2003 № 60 (ред. от 29.01.2020) // Ведомости Московской городской Думы. 19.11.2003. № 10. Ст. 267. Ст. 1.

³⁴ Ст. 317-7 УПК РФ.

³⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 05.12.2017 № 391-ФЗ // Российская газета. 11.12.2017. № 280. Ст. 4.

³⁶ О выборах Президента РФ. ФЗ от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 11.12.2018) // Российская газета. 16.01.2003. № 6. Ст. 72.

³⁷ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. 09.08.2001. № 151–152.

³⁸ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 29.07.2006. № 165. Ст. 10.

³⁹ Об увековечении памяти погибших при защите Отечества. Закон РФ от 14.01.1993 № 4292-1 (ред. от 19.07.2018) // Российская газета. 17.02.1993. № 32. Ст. 4.

⁴⁰ О региональной целевой программе «Обеспечение малонаселенных пунктов и объектов социальной сферы Ленинградской области, а также инвалидов и участников Великой Отечественной войны телефонной связью» на 2003 год. Областной закон Ленинградской области от 02.07.2003 № 49-оз // Вестник правительства Ленинградской области. 29.08.2003. 29 августа. № 19.

⁴¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов... Ст. 7.

⁴² Об увековечении памяти погибших при защите Отечества...

⁴³ О Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года. Приложение к Закону Ставропольского края от 27.12.2019 № 110-кз // Ставропольская правда. 30.12.2019. № 146.

⁴⁴ ГК РФ (ч. IV) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Парламентская газета. 21.12.2006. № 214–215. Ст. 1270.

⁴⁵ Ст. 38.1 КВВТ РФ.

законодательные тексты и влияют на процесс их понимания. Несмотря на это (возможно, в связи с постулируемой презумпцией невыразительности, неконнотационности законодательных текстов) особенности семантического терминообразования мало изучены.

Семантические терминообразования позволяют сравнивать и идентифицировать конкретное с конкретным, конкретное с абстрактным, абстрактное с абстрактным, осуществлять трансформацию конкретной лексики в абстрактную (обобщенную) и, наоборот, абстрактной (обобщенной) лексики в конкретную. При этом семантически образованные понятия в силу институциональной специфики и функции закона не являются способами необычного изложения правовой мысли, декорирования текста и привлечения внимания, но нередко воспринимаются в качестве таковых, поскольку (прежде всего, при метафорическом переносе) коннотативный компонент непосредственно участвует в формировании номинативного значения.

Дальнейшее исследование обозначенных в статье вопросов актуально для развития лингвистического и правового знаний, законотворческой и судебной практик. Особого внимания заслуживают вопросы образования составных терминов, возникающие логические ошибки; анализ устойчивости семантически образованного понятия в терминосистеме права (давность семантического терминообразования); исследование «перехода» семантически образованного понятия из неюридического дискурса в юридический, из одной системы права в другую, «устаревания» понятия и исключения из терминосистемы (*мертвый лес, живая газета*⁴⁶); синонимичность и дефиниционное сужение терминов семантического образования. Представляет научный и практический интерес создание словаря юридических понятий (терминов), образованных семантическим способом и активно используемых в юридическом дискурсе.

Литература

1. Прохорова В. Н. Русская терминология. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 125 с.
2. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. С. 156–177.
3. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 895 с.
5. Балашова Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестн. Ом. ун-та. 2015. № 2. С. 169–177.
6. Баранов В. М., Власенко Н. А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10101
7. Кустова Г. И. Семантические переходы в абстрактных существительных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 20. С. 73–85. DOI: 10.15293/2226-3365.1602.06
8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории яз. говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатунского. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 792 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: УРСС, 2004. 252 с.
10. Москвин В. П. О типологии семантических переносов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 3. С. 5–18.
11. Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1993. 150 с.
12. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 3–10.
13. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики; 2-е изд., стер. М.: КомКнига; URSS, 2006. 278 с.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. 444 с.
15. Бельдиян В. М., Батюшкина М. В. Основы теории языка и речи. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. 425 с.
16. Голев Н. Д., Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании. Кемерово: КемГУ, 2017. 117 с.
17. Лескина Э. И. Лингвистические аспекты в гражданском процессуальном праве: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. С. 3–6.
18. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. 189 с.
19. Соколова Е. В. Понятие «военный объект» в российском праве: вопросы терминологической определенности // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 10. С. 93–103.
20. Солганик Г. Я. Стилистика русского языка. М.: Флинта; Наука, 2016. 244 с.

⁴⁶ См., в частности: гл. 2 Лесного кодекса (постановление ВЦИК от 25.07.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 58. Ст. 564); ст. 95 Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР (постановление ВЦИК от 16.10.1924 // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870).

21. Беляевская Е. Г. Семантика широкозначных существительных с когнитивной точки зрения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 532. С. 4–14.
22. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. М.: Лабиринт, 1998. 364 с.
23. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
24. Гинзбург Е. Л. Метонимия и метафора как семантические конструкции слова и текста // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. (Москва, 17–20 апреля 1978 г.) М., 1978. С. 46–49.
25. Шкилев Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 18 с.

original article

Semantic Production as a Way of Forming Legal Concepts (Based on Russian Laws)

Marina V. Batyushkina^{a, @, ID}

^a Legislative Assembly of the Omsk Region, Russia, Omsk

@ soulangeana@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Received 14.02.2020. Accepted 27.03.2020.

Abstract: The research featured legal terms formed according to the semantic method, e.g. semantic generalization, expansion / narrowing of meaning, institutional specification, metonymic or metaphorical transfer, their correlation, etc. The author highlighted the interconnection of semantic term formation and polysemy. The article contains a list of factors that cause ambiguity of legal concepts: (a) the author of the legislative text and the recipient; (b) the open nature of the legal terminological system, as well as the reproduction of multivalued lexemes in the laws and their reinterpretation; (c) the development of various variants of legislative definitions, etc. The paper focuses on semantic generalization and institutional specification of legal concepts. The author describes the interconnection of denotative-predicative and logical-conceptual approaches, as well as the mechanism of generalization and abstraction of lexical meaning. The differences of metonymic and metaphorical transfers were interpreted in terms of contrasting functions, models of education, and connotation potential. The research revealed a high productivity of metonymic transfer and legal concepts based on a combination of different types of semantic terminology. The study featured the texts of Russian Federal and regional laws. The author applied various approaches, e.g. discursive, contextual, intertextual, component, denotative-predicative, logical-conceptual, interpretative, comparative, etc. The results, conclusions, and illustrative material presented in this work may be of some interest to scientists and practitioners who study legal terminology, legal texts, and issues of the Russian language as a state language.

Keywords: legal term, polysemy, denotation, predicate, semantic generalization, narrowing of meaning, metonymy, metaphor, text of the law, legal discourse

For citation: Batyushkina M. V. Semantic Production as a Way of Forming Legal Concepts (Based on Russian Laws). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 489–498. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-489-498>

References

1. Prokhorova V. N. *Russian terminology*. Moscow: Filol. fak. MGU, 1996, 125. (In Russ.)
2. Apresian Iu. D. *Selected Works. Vol. II. Integral description of the language and systemic lexicography*. Moscow: Shk. "Iazyki rus. kultury", 1995, 156–177. (In Russ.)
3. Aroutiounova N. D. Functional types of linguistic metaphor. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 1978, 37(4): 333–343. (In Russ.)
4. Aroutiounova N. D. *Language and the world of man*. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1998, 895. (In Russ.)
5. Balashova L. V. Dynamic conception of metaphor: from Aristotle to modern cognitive linguistics. *Vestn. Om. un-ta*, 2015, (2): 169–177. (In Russ.)
6. Baranov V. M., Vlasenko N. A. Metaphors in law: methodological hazards and prospects. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2019, (1): 11–19. (In Russ.) DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10101

7. Kustova G. I. Semantic shifts in abstract nouns. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, (2): 73–85. (In Russ.) DOI: 10.15293/2226-3365.1602.06
8. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*, tr. Shatunskii I. B. Moscow: Iaz. slavian. kul'tury, 2004, 792. (In Russ.)
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*, ed. Baranov A. N., tr. Baranov A. N., Morozova A. V. Moscow: URSS, 2004, 252. (In Russ.)
10. Moskvina V. P. On the classification of semantic transfers. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2016, 75(3): 5–18. (In Russ.)
11. Skliarevskaya G. N. *Metaphor in the language system*. St. Petersburg: Nauka. S.-Peterb. izd. firma, 1993, 150. (In Russ.)
12. Teliia V. N. Foreword. *Metaphor in language and text*, ed. Teliia V. N. Moscow: Nauka, 1988, 3–10. (In Russ.)
13. Shmelev D. N. *Problems of semantic analysis of vocabulary*, 2nd ed. Moscow: KomKniga; URSS, 2006, 278. (In Russ.)
14. Lotman Iu. M. *Inside the thinking worlds*. St. Petersburg: Azbuka, 2016, 444. (In Russ.)
15. Beldiian V. M., Batiushkina M. V. *Fundamentals of the theory of language and speech*. Omsk: OmGPU, 2016, 425. (In Russ.)
16. Golev N. D., Vorobyova M. E. *Interpretative functioning of the legal language in everyday consciousness*. Kemerovo: KemGU, 2017, 117. (In Russ.)
17. Leskina E. I. Linguistic aspects in civil procedure law: problem setting. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2017, (8): 3–6. (In Russ.)
18. *The language of law*, ed. Pigolkin A. S. Moscow: Iurid. lit., 1990, 189. (In Russ.)
19. Sokolova E. V. The concept of "military facility" in Russian law: issues of terminological certainty. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, 2017, (10): 93–103. (In Russ.)
20. Solganik G. Ia. *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 244. (In Russ.)
21. Belyaevskaya E. G. The semantics of wide-valued nouns from a cognitive point of view. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2007, (532): 4–14. (In Russ.)
22. Zhinkin N. I. *Language – Speech – Creativity*. Moscow: Labirint, 1998. 364. (In Russ.)
23. Novikov A. I. *Semantics of the text and its formalization*. Moscow: Nauka, 1983, 215. (In Russ.)
24. Ginzburg E. L. Metonymy and metaphor as semantic constructions of a word and text. *Theses of the VI All-Union Symposium on Psycholinguistics and Theory of Communication*, Moscow, April 17–20, 1978. Moscow, 1978, 46–49. (In Russ.)
25. Shkilev R. E. *Metonymic transfer in stable terminological phrases (based on English and Russian legal terminology)*. Cand. Philol. Sci. Dis. Abstr. Kazan, 2005, 18. (In Russ.)